

Глава I I

«Опять проснулся после обеда и приходил в себя после давеча выпитого. А выпито было с излишком, хватило через край. Упились до бесчувствия. Что со мной было? Что творил? Это еще предстоит выяснить. Стыдоба. А, плюнь да разотри. Пижонство. Все так живут. В скотстве и свинстве. Но ты - не все. Нет. Это самоутешение. Но что-то действительно произошло. Что-то случилось из ряда вон, если это что-то зудит, свербит и посасывает. Что же еще могло быть добавлено к тому многогрешному послужному списку деяний по пьяную лавочку? Уже, казалось бы, за многолетнюю практику исчерпаны все мыслимые формы и варианты буйств, истерик, беганий гольшом по

коридорам и лестничным маршам, просыпаниям в чужих женских постелях и квартирах в разных концах города. Не помню. А надо бы вспомнить. Впрочем, ежели не напрягать Мнемозину, она, наперсница и кудесница кривотолков, состряпает дело через вторые и третьи руки, потные и сальные.

Стало быть, по порядку. Или, не стоит. Что толку? Лишь бы не было буйства, битья стекол и крушения мебели. Остальное - приемлемо. Рядовая попойка, каковые изо дня в день мельтешат перед глазами, нет времени для передышки. Была компания, собрались все наши. Впечатление такое, что не расходились. Нет, все-таки, сошлись заново. Потому как я успел проспаться, хотя ломало тело и раскальвалась голова. Само собой напрашивалась пьянка. Для опохмеления времени уже не было. Сам я никогда не похмеляюсь, жалко время терять на формальности. Лучше сразу перейти к пьянке. Но составить компанию всегда горазд. В смысле денег я был пас, на нулях. Эту самоочевидность никому из присутствующих не требовалось объяснять. Все понимали, что пришли не за этим. Финансовой импотенцией страдал не я один. Поначалу ко мне подтянулись для разговенья Миша с Володей. Невтерпеж отходить от пьянки на ясную голову, не будучи просветленной алкогольными парами. Да, то была алкогольная баня, с вышибанием духа из окоченевшего тельца и прошибанием пота от накала страстей, зашкаливших на сорока градусах. Хоть туши свет и выноси всех святых. Водка стоит тридцать с копейками. У нас ни того ни другого. Взаимы никто не даст. Заняли у всех, кто только попался в поле зрения. Заложить или продать нечего. Ценностей не имеем, кроме циррозной печени. Что имелось, - продано или в закладе. Все на алтарь хмельного дурмана. Да, в таких случаях мысль останавливается на малом. Всего-то тринадцать рублей, чтобы купить стограммовый флакончик медицинского спирта в аптеке. Это если повезет и его уже не успела разобрать алкогольная шантропа вроде нас. Ежели не повезет, придется довольствоваться настойкой боярышника. В ней восемьдесят градусов спирта и стоит она одиннадцать с полтиной. Одно худо. Настойка боярышника давит на мотор (См. на сердце), много выпить ее я не смогу. От многолетнего стажа дикого пьянства посадил сердце. А где сердце, там и печень. И почки в довесок. Но это

терпит. Лишь бы наскрести мелочь. По сусекам немели втроем что-то около трех рублей. Я сбегал к соседям и смог добыть по полтинничку с носа, якобы не хватало на пачку сигарет. Сигареты, - плач один, - «Прима», два пятьдесят. Делать нечего. Пошли к магазину. Володя, тот пошустрее да понаглее, начал «стрелять» по рублю и по два, дескать, всего-то не хватает на бутылку водки. Опробованный метод. Неоднократно спасал нас. Бывало, с нуля Володя надергивал аж на целый пузырь, еще и на закуску оставалось. Минут за двадцать дело было сделано. Пятнадцать рублей в кармане. Решили не торопиться, сосредоточить силы на флаконе спирта. В первой аптеке не оказалось. Вторая аптека закрыта на учет. Пришлось пройти трамвайную остановку до коммерческой аптеки. Искомое найдено. Можно лакомиться. У нас с собой пластиковая бутылочка с водой, чтобы разбавить в ней спирт один к одному и получить стакан водки. Пластиковый стаканчик, чтобы махнуть «не отходя от кассы». Обычно мы не закусываем, а запиваем водой из-под крана. Это из соображения экономии. Все деньги на водку! Поэтому, Миша достает из пакета бутылку с водой. Мы пятимся на какие-то задворки, где кусты, песочница с грибом, спортивный турник. Все это дело оприходываем не спеша, за разговорами о прошедшей пьянке, смакуя сальные подробности вечеринки.

Возвращаемся опять ко мне. Подогретые, как на спиртовке. Начинают подтягиваться люди. В моей комнатке меньше десяти человек в разгар веселья не бывает. Одни приходят, другие уходят. Были времена, набивалось и по пятнадцать, и по двадцать человек. Это в праздничные дни и солидные вечеринки. Заходят девушки. Но, только заходят. От скуки, от одиночества. Знакомые, незнакомые. Я мало реагирую, пока трезвый, на романтическую завязку отношений. Промежуточная стадия - сильное опьянение. Тогда начинаются домогательства с моей стороны. Меня либо останавливают, либо изолируют, либо оставляют в покое. Это зависит от моего полового ярения и расположения сексуального флюгера на предмет моего похотливого вожделения. Даже если девчушка дает зеленый свет, чтобы я вскарабкался на нее. Однако, это уловка вежливости. В состоянии алкогольной интоксикации в постели с шалуньей мне делать нечего. Разве что пыхтеть, сопеть и разводить руками. Ничего

не выйдет. И, заключительная стадия, когда я упиваюсь до амнезии и начинаю буйствовать, что-то крушить, бить, ломать. Благо, моя тщедушность не развязывает мне руки, когда все заслонки открыты, на предмет мордобоя и рукоприкладства. Тут моя природа не то чтобы пасует, в ней, слава богу, нет озлобленности на окружающих. Напротив. Все братья и сестры. Все - добро пожаловать в гости. Душа и двери нараспашку. Вот с этой причудой доброхотства я бы хотел расплеваться. Однако, не по силам. Это - природа. То, что в крови, пусть и насыщенной спиртом. Итак, собирается народ. После спиртовой заправки должно состояться алкогольное пиршество. Никто, конечно, не торопится. Вносятся вновь пришедшими первые бутылки водки и полуторалитровые баллоны пива. Пиво - прихоть. Дальше от него отказываемся. Лишняя трата денег. Всех засасывает пьяная трясина. Пока что хлюпаем в ней по щиколотки; далеко за полночь, или, ближе к рассвету, самые стойкие увязнут в ней по уши. Шалые девчонки не стесняются себя ни в лексиконе, ни в поступках. Взгромоздились на колени хлопцам, перебивают косточки своим любовникам, по совместительству любовникам их подруг, удачи и неудачи на любовном фронте присутствующих парней, кто какую вертихвостку затащил в постель. Тут же, за столом, визави, со стаканами водки, обе половины делятся впечатлениями от вчерашнего кувыркания в постели. Он ее поднял, или она позволила одолжить себя. Да это и не важно в нашем обществе слегка циничных, не отягощенных нравственными утопиями молодых людей и их безалаберных распутниц. Нынче здесь, завтра там. Раствление души. Промискуитет духа. Тела уже не реагируют ни на близость, ни на алкоголь, ни на радость, ни на боль. Все свои. Всем хорошо. Бывают ссоры, перебранки и перепалки. Но это от избытка выпитого. «Ты меня уважаешь?» Нет места сему вопросу в наших бесчинствах. Уважение подменяется интересами бесцельного времяпрепровождения. Поездки за город летом, на дачи, на пикники в лес, на озера, на реку. Иерархического механизма нет. Тасуется колода людей, где есть некий принцип субординации, каждый знает отведенное ему место. Легко и беззаботно тянутся дни, месяцы, времена года, года. Прошло несколько лет. Костяк старожилов сохраняется, кто-то списывается на берег. Молодняк пополняет наши

ряды, когда кто-то женится, уезжает в другой город, уходит в астрал. Вялая текучка событий и фактов. Но, это внешне. Внутри, если присмотреться, клокочут вулканы страстей и событий. Жизнь бурлит. На стороне. Внутри нашего круга раздаются только отголоски нашумевших дел. Мы либо вникаем, либо отмалчиваемся. По усмотрению.

Да, процесс припоминания затянулся. Почему я иногда веду записи, или, вернее, зарисовки с натуры, освежеванной и отпрепарированной внутренним критическим оком? Что-то заставляет меня браться за авторучку и склоняться над бумагой, заносить в нее впечатления прожитых дней. Никакого насилия над собой я не оказываю при этом, не принуждаю себя. Мне вообще не свойственно принуждать себя заниматься чем-либо вопреки желанию. В таких вопросах я мягкотел и тщедушен. Тут другое. Несколько раз я пытался ответить для себя на этот вопрос. И пришел вот к какому плачевному заключению. Это алчная попытка удержать в хищных коготках памяти лакуны бесцельного существования и, таким образом, оправдание своей правоты в последующем их повторении. Пустое место как факт моего существования вполне отвечает и моему настроению, и вытекающему отсюда образу жизни, хочу я этого или нет. Слабоволие и малодушие. Жизнь по течению, в границах установленных берегов. Кругозор мой узок. Линия горизонта недалеко. Да, линия горизонта зависит от точки зрения наблюдателя, - где-то я это уже слышал. И, вместе с тем, несмотря на видимую внешне, пусть чахлую в бытовом и терпимую в личном плане, устроенность, что-то гложет меня изнутри. Какой-то въедливый полип присосался к гнилостному ливеру моей души и высасывает последние ее живые соки. И тогда нет исхода моей тоске. И тогда все повторяется заново, как процесс размножения у низших одноклеточных организмов, - деление и размножение запойных бесчинств и скотского разврата».